

Саша ПОПОВ

(1949–1995)

ПРИДВЕРИЕ

Пьеса в 2-х действиях

Публикация, подготовка текста, вступление Германа Лукомникова

Пьеса написана в 1980-е годы. В 1989 году была поставлена Эриком Горошевским в ленинградском Театре реального искусства на сцене ДК профтехобразования на улице Перовской. В репертуаре продержалась недолго.

«Премьера спектакля “Придверие” <...> была встречена публикой неодинаково. Части зала спектакль явно очень понравился, часть выказала явное неудовольствие, часть же осталась ко всему произошедшему на сцене совершенно равнодушной» (из заметки Петра Брандта).

Саша Попов (Александр Николаевич Попов) – драматург, поэт, эссеист. Родился 10 ноября 1949 года в Петропавловске-Камчатском в семье военного. Детство и отрочество проходило в разных городах Дальнего Востока и Сибири, отчасти где-то на юге. С 1965 года жил в Ленинграде. Иногда приезжал в Ейск, где с какого-то момента жили его родители. Учился в Военмехе. Студенческую театральную студию в этом институте вел в те годы режиссер Кама Гинкас, и в его постановке повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Саша сыграл главную роль – бунтующего подростка Холдена Колфилда. После этого он увлекся писательством и бросил институт, не окончив. Выпускал машинописные издания: альманах «Северные цветы», журнал «Весы», «Литературную газету» (тиражом от 1 до 4 экземпляров). Завсегдатай легендарного кафе «Сайгон», где собирались люди андеграундной культуры. В первой половине 70-х был принят в Драматургическую мастерскую Игнатия Дворецкого при ленинградском отделении ВТО, с 1990 года – участник группы «Новые драматурги». Его пьесу «Потом... потом... потом...» собирався ставить Георгий Товстоногов в БДТ, ее высоко оценили Кама Гинкас, Генриетта Яновская, Анатолий Васильев, и все же она в те времена так и не была поставлена. Пьеса «Придверие», как сказано выше, была в 1989 году поставлена Театром реального искусства. При жизни, если не считать самиздата, опубликовал лишь эссеистику в журнале «Твердый знакЪ» (№ 1, 1991) и несколько заметок в петербургских газетах. Покончил с собой (повесился в своей квартире на ул. Чайковского) 28 марта 1995 года – такова официальная версия. Однако некоторые из близких подозревают, что самоубийство было инсценировано и он ушел из жизни не по своей воле.

Я познакомился с Сашей летом 1986 года. Это был человек и писатель, оказавший на меня, пожалуй, самое сильное влияние из всех людей, которых я знал.

Однажды я спросил его: «Саша, а как почитать твои пьесы?». Он сказал, что их можно купить в Москве, в ВТО на улице Горького. Я пошел, и мне там выдали три его пьесы: знаменитую «Потом... потом... потом...», «Придверие» и инсценировку «Алых парусов» Грина – не помню, как она называлась. Это были машинописные распечатки для театральных работников, и хотя я никакого отношения к театру не имел, мне удалось их приобрести. В один из Сашиных приездов в Москву я имел неосторожность похвастать этим, и Саша забрал у меня инсценировку «Алых парусов». Сказал, что режиссер какого-то подмосковного ТЮЗа просил ее у него. Другие две пьесы у меня сохранились. «Потом... потом... потом...» теперь несложно найти в интернете, она публиковалась в сетевом альманахе объединения «Домик драматургов». А мою любимую Сашину пьесу, «Придверие», рад предложить вниманию читателей.

Первоначальное название пьесы – «Царство». Именно под таким названием она была поставлена во второй раз, после смерти автора, Владимиром Михельсоном в петербургском театре «Особняк» в 1998 году.

А при мне автор объяснял режиссерке, тоже собиравшейся ставить эту пьесу, в которой всего три персонажа и, казалось бы, почти ничего не происходит: «Главное – ирреальный вруб. Будет ирреальный вруб – и все получится. Не будет ирреального вруба – ничего не получится».

В настоящее время мы с Максимом Якубсоном готовим книгу о юродивых питерского андеграунда 1970-х – 90-х годов – Саше Попове и Диме Тимченко, куда войдут и их собственные тексты, и воспоминания о них. Книга выйдет в издательстве Des Esseintes Press (Московская школа нового кино, ММУ).

Г. Л.

Первое действие

Сцена первая

Комната огромных размеров. Очень высокие потолки. Люстры нет. Посередине комнаты стоит железная кровать. Очень широкая и длинная. На спинках развешены вещи. На полу мусор, книги, фотографии, увеличитель, пишущая машинка, музыкальные инструменты, мольберт, краски, кисти, постель, пачки сигарет, чайник, чашки, электроплитка, швейная машинка, несколько настольных ламп, фотопроекторы, различный инструмент, магнитофон, радио, проигрыватель, телефон. На кровати лежит СТАРУХА. Лежит поверх одеяла, прислонившись к спинке. Проходит время, и выходит ОН. Это мужчина. Из тех мужчин, которым и в двадцать лет можно дать сорок.

ОН. Сматывайся отсюда.

СТАРУХА. То же.

ОН. Что то же?

СТАРУХА. Ничего.

ОН. Сматывайся, говорю.

СТАРУХА. То же.

ОН. Что?

СТАРУХА. Что?

ОН. Тебе хочется поговорить?

СТАРУХА. Кроме меня тебе не с кем поговорить.

ОН. Ну и что?

СТАРУХА. Кроме меня у тебя никто не бывает.

ОН. Ну и что.

СТАРУХА. Кроме меня...

ОН. Мне никто не нужен.

СТАРУХА. Врешь.

ОН. Тебе хочется поговорить.

СТАРУХА. Врешь.

ОН. Это не имеет значения.

СТАРУХА. Ты врешь.

ОН. Сматывайся. Ты валяешься в моей постели.

СТАРУХА. Тем более.

ОН. Что тем более?

СТАРУХА. Тем более.

ОН. Хватит. Я не люблю эту игру.

СТАРУХА. Я играю в эту игру без корысти.

ОН. Я тоже люблю играть без корысти. Сматывайся.

СТАРУХА. Не пинай. Я не хочу, чтобы тебе было грустно.

ОН. Я обойдусь.

СТАРУХА. Брось. Уступи.

ОН. Обойдусь.

СТАРУХА. Себе уступи.

ОН. Обойдусь.

СТАРУХА. Ты плохо выглядишь.

ОН. Сматывайся.

СТАРУХА. Ты прогоняешь?

ОН. Да.

СТАРУХА. Ты очень плохо выглядишь.

Старуха «сматывается» к стенке, где лежат доски, и садится там.

Он идет к кровати. Спотыкается. Поднимает книгу.

Ложится на кровать. Листает страницы. Успокаивается.

Лежит. Читает.

Старуха курит и смотрит на него.

Проходит время.

ОН. Ты куришь?

СТАРУХА (с издевкой). А ты лежишь?

ОН. Дай закурить.

СТАРУХА. Обойдешься.

ОН. Не тяни. Дай закурить.

СТАРУХА. Обойдешься.

ОН. Я встану.

СТАРУХА. Встань, встань.

Он встает и подходит к Старухе. Старуха не двигается. Он отбирает у Старухи пачку, закуривает, бросает сигареты и спички на кровать. Курит. Бродит по комнате.

Подходит к мольберту. Изучает. Берет ножи. Скоблит.

Проходит время.

Стук в дверь. Еще стук в дверь. Он скоблит.

Стук в дверь. Проходит время. Стук в дверь. Старуха поднимается.

ОН. Сиди.

Стук в дверь. Он скоблит. Стуки прекратились.

Проходит время.

У него погасла сигарета. Он идет к кровати, чтобы прикурить.

Стук в дверь.

ОН. Да.

Дверь открывается, и входит ЖЕНЩИНА. Женицина из тех, которым и в сорок лет можно дать двадцать. Не высказывая заинтересованности, он скоблит.

ОНА. Извини. Я только на минутку. Я за книжкой. Я тебе не помешала?

ОН. Обожди.

ОНА. Я только на минутку. Я тебя случайно нашла. Понимаешь, у тебя есть книжка. Ты мне ее показывал. Сейчас все помешались. Все ее читают, и ни у кого нет. А я хочу прочесть. Ты мне дашь книжку?

ОН. Кто тебе сказал, что я в городе?

ОНА. Тебя кто-то видел. Никто не знает, где ты живешь. А я нашла случайно. Случайно нашла. Где ты нашел такую квартиру? Ты всегда находишь странное жилье. Либо подвал, либо мансарда. У тебя два окна. И вид из окна чудный. Я люблю, когда ты живешь в мансарде. А почему лифта нет? Я еле забралась.

ОН. Эта книжка – вон там. Рядом с фотоувеличителем. Справа.

Она идет к фотоувеличителю и находит книгу.

ОНА. Да, она. Мне Алина рассказывала. Ты мне дашь почитать? Я знаю, что ты не даешь книжки читать. Я хотела... Я быстро. Я могу здесь у тебя прочесть. Если ты... Я быстро читаю. Я могу даже на лестнице, на подоконнике. Я читаю в любом месте.

ОН. Ну и читай.

ОНА. Что?

ОН. Читай, читай.

ОНА. Что?

ОН. Не знаю. Хочешь чаю?

ОНА. Нет, спасибо. Его же заваривать надо. Я знаю, что у тебя чай всегда есть. Я могу сама заварить. Ты же любишь чай? Давай я чашки вымою.

ОН. Не надо.

*Он закончил скоблить. Идет к стене, включает электроплитку и ставит чайник.
Она садится на кровать.*

ОНА. Где ты достал такую кровать? Никогда не видела такой кровати. На ней...

ОН. Достал – это плохое слово. Я ее нашел. Нашел на чердаке.

Очень затянулась пауза.

Он бродит по комнате. Нагибается, поднимает фотографию.

Рассматривает. Она смотрит на него.

ОН. Сейчас чай будет готов.

Она снимает туфли, забирается на кровать, с ногами, и устраивается там поудобнее.

ОНА. Прости, я туфли сняла. Можно я так?

ОН. Можно.

Она читает, а он бродит по комнате. Он бродит долго. Что-то поднимает с пола, что-то пинает, что-то рассматривает. Бродит без цели.

Смотрит на нее.

Опять бродит. Долго бродит. Потом поднимает с пола музыкальный инструмент небольшого размера, типа флейты. Вытирает пыль. Пробует играть. Что-то похожее на музыку у него получается. Он идет к кровати, ложится, устраивается поудобней и начинает играть. Возникает мелодия.

Музыка звучит долго и хорошо.

Мелодия прерывается.

ОНА. Ну я пойду.

ОН. Куда ты пойдешь?

Опять звучит музыка. Хорошо звучит.

Мелодия обрывается. Он решительно отбрасывает музыкальный инструмент в угол, встает, подходит к лежащему на полу чемодану и вынимает оттуда огромного размера тельняшку.

ОН (кидает ей тельняшку). Чистая.

Идет к фотоувеличителю и включает его. Потом включает красный фонарь. Выключает свет в комнате. Роемся в пленках. Выбрав одну, вставляет ее в фотоувеличитель.

ОН. Ты легла?

ОНА. Да. Я в этой тельняшке похожа на тигра.

ОН. Почему не на зебру? Ну ладно. Сейчас я тебе кое-что покажу.

Он гасит красный фонарь, разворачивает фотоувеличитель и направляет его на потолок. Протягивая пленку, он передвигает кадры.

Она лежит на кровати и смотрит в потолок.

Кадры разные: она, он, они вдвоем, в поле, в парке, во дворе, на улице и т.д. Есть очень красивые. Есть не очень. В общем, разные.

ОНА. Это я.

ОН. Да, ты.

ОНА. А это где?

ОН. Я не помню.

ОНА. Я вспомнила – это в саду.

ОН. Может быть.

ОНА. Точно, в саду.

ОН. Может быть.

ОНА. Да.

ОН. Ладно, хватит. Давай спать.

Он выключает фотоувеличитель и включает красный фонарь. Раздевается. Ложится. Кровать большая. Они лежат на разные стороны. Под одним одеялом. Проходит время.

ОНА. Где ты взял такое одеяло?

ОН. Сшил.

ОНА. Да, конечно. Ты все можешь. Ты невероятный человек.

ОН. Да, спи.

ОНА. Почему я не такая? Все-то ты можешь. Все-то тебе удастся.

ОН. Удастся, удастся. Спи.

Встает Старуха и начинает кружить по комнате.

Старуха ходит долго, навязчиво. Подчеркивает, что ходит. Старуха останавливается, смотрит на двоих на кровати. Идет к стене. Возвращается. Опять кружит. Потом подходит к фотоувеличителю и гасит красный фонарь.

ОНА. Зачем?

ОН. Пусть. Ничего.

Старуха раздевается. Ложится на кровать рядом с ним.

Он толкает ее. Старуха настаивает, старается устроиться поудобнее. В конце концов в молчаливой борьбе Старуха побеждает. Устроившись у него на плече и заставив его обнять ее, Старуха затихает. Совсем гаснет свет. Темнота.

Сцена вторая

Утром в комнате. За окном брезжит рассвет. Он, она и Старуха лежат на кровати. Кровать большая. Всем хорошо. Всем удобно. Первой просыпается Старуха. Она встает, одевается, идет к стене. Там она включает электроплитку и ставит чай. Садится на доски. Курит.

Потом просыпается ОНА. Комната большая, неудобная. Она встает, одевается, осматривает комнату, идет к мольберту, смотрит. Оглядывая комнату, она доходит до двери. Останавливается.

ОНА (*шепотом*). Эй, проснись!

Он спит, не слышит.

ОНА. Эй, проснись, я уйду.

Она подходит к кровати.

ОНА. Эй, проснись.

Она наклоняется над ним.

ОНА. Эй, мужчина, проснись.

ОН. Что случилось?

ОНА. Я уйду.

ОН. Ладно. Хорошо.

Она идет к двери. Останавливается. Смотрит на него. Выходит. Закрывает дверь. Но дверь не захлопывается. Замок такой, что дверь закрывается только изнутри. Она возвращается. Подходит к кровати. Наклоняется над ним.

ОНА. Эй, проснись.

ОН. Что случилось?

ОНА. Закрой дверь.

ОН. Оставь так.

ОНА. Счастливо.

Идет к двери. Останавливается.

ОНА (*шепотом*). Эй, проснись.

Сцена третья

*То же утро. Старуха гремит посудой. Чай заварен.
Он просыпается.*

ОН. Она ушла?

СТАРУХА. А ты лежишь?

ОН. Хорошо ушла. Красиво.

СТАРУХА. Ты еще спишь. Помолчи.

ОН. Мне никогда не снятся старухи.

СТАРУХА. Не было повода.

ОН. Чай готов?

СТАРУХА. Готов, готов.

ОН. Хорошо ушла. Женщины не умеют уходить.

СТАРУХА. Ты еще спишь. Она играет в поддавки.

ОН. Это тоже хорошо.

СТАРУХА. Спросонья не надо быть таким убежденным.

ОН. Утро вечера мудренее.

СТАРУХА. Это только для Иванушки-дурачка.

ОН. Хороший пример.

СТАРУХА. Ты будешь мудренее, если сначала выпьешь чаю.

Старуха подает ему стакан с чаем. Он ставит стакан и берет Старуху за руку.

ОН. Я ведь, старая, никогда не отказываюсь от твоих напитков. Не ворчи.

СТАРУХА. Что с тобой?

ОН. Знаешь, старая, я бы тебя больше любил, если бы по утрам ты здесь не маячила.

Старуха освобождает руку.

СТАРУХА. Надо будет мне взять с нее пример.

ОН. По утрам, когда продерешь глаза, непременно хочется чего-нибудь нового. А тут ты маячишь. Ты бы хоть на базар ходила. Все чего-нибудь новенькое принесешь.

СТАРУХА. Я вижу, в поддавки ты играешь только с ней. Придется мне сходить на базар.

ОН. Ну и сходи.

Он встает, одевается, убирает кровать.

ОН. Слушай, по-моему, в ней что-то есть.

СТАРУХА. Она придет. Если она умеет так уходить, то обязательно придет. Вечером жди.

ОН. Вечером – это тоже хорошо. К вечеру от новой жизни синеть начинаешь.

СТАРУХА. Ты удивительный человек.

ОН. Да, удивительный.

Он убрал кровать.

ОН. Ладно, старая, давай чай. Я буду просыпаться.

СТАРУХА. Ишь, как тебя расслюнявило.

Сцена четвертая

Комната. Он сидит на кровати. Перед ним мольберт. На полу на скатерти расположены: хлеб, нож, тряпка, миска.

Стук в дверь. Он идет открывать.

ОНА. Здравствуй.

ОН. Обожди.

ОНА. Да... Я хотела...

Он убирает на полу. Она проходит и садится на кровать напротив мольберта.

ОН. Не надо туда. На кровать нельзя.

ОНА. А-а, понятно. Извини.

Она встает, идет к двери, останавливается.

ОНА. Мне надо с тобой поговорить.

ОН. Хорошо. Только обожди.

ОНА. Хорошо. На улице страшная жара. Асфальт плавится. А у тебя прохладно.

Собрав все, что было на полу, в тряпку, он относит это к стене. Кладет там. Садится на доски. Закуривает. Она стоит.

Пауза.

ОН. Ты знаешь, кроме тебя у меня никого не бывает. Почему?

ОНА. Не знаю. Это плохо?

ОН. Не знаю. Но кроме тебя у меня никто не бывает.

ОНА. Мне нужно серьезно поговорить.

Он откладывает сигарету и подходит к ней.

ОН. Кроме тебя мне не с кем «серьезно поговорить».

ОНА. Я решила тебя бросить.

ОН. Сказала она радостным голосом.

ОНА. Не смейся. Я решила. Ты не представляешь, как это хорошо.

ОН. Я действительно не представляю.

ОНА. Это очень здорово. Наконец-то решить и сделать.

ОН. Но ты же еще не сделала.

ОНА. Сделаю. Слушай. Начинаю по порядку. Ты меня не любишь.

ОН. Это не аргумент.

ОНА. Ладно. Пусть не аргумент. Но все равно. Я тебя не задеваю, не волную. Мне очень обидно в этом сознаться.

ОН. Наоборот. Это твое преимущество.

ОНА. Нет. Мне такие преимущества не нужны. Я хочу тебя бросить. Если я тебя брошу сейчас, мне будет плохо, но будет гораздо хуже, если я к тебе привыкну.

ОН. Да. Тебе обязательно нужно меня бросить.

ОНА. Обязательно. Ты азартный человек?

ОН. Не знаю.

ОНА. Ты играл на ипподроме?

ОН. Нет.

ОНА. Значит – ты не азартный человек.

ОН (*смеется*). Действительно. Логично.

ОНА. Кроме того, тебе не хватает непосредственности.

ОН. Вот этого мне действительно сейчас не хватает.

ОНА. Вот видишь. Так что нам нужно обязательно расстаться.

ОН. А тебе не кажется, что мы делаем это как-то поспешно.

ОНА. Да, кажется, но мы можем себе это позволить.

ОН. Как прекрасно, что ты решила.

ОНА. Я очень довольна собой.

ОН. А чай ты будешь пить?

ОНА. Но я же тебя бросила.

ОН. Да, я забыл.

ОНА. Ну ладно. Я уйду.

ОН. Куда ты пойдешь? Обожди.

ОНА. Но так я тебя никогда не брошу.

Он отходит от нее. Идет к стене. Садится.

Сигарета еще не погасла. Он берет ее. Курит.

ОН. А ты знаешь – не надо меня бросать. Я не знаю, что у нас будет потом, но если мне надо будет тебя бросить, то я тебя брошу. Брошу не задумываясь. Подожди, не надо меня бросать. Может быть, из этого что-нибудь выйдет.

ОНА. Ты думаешь, что надо подождать?

ОН. Думаю, что да.

Сцена пятая

Другой день. Старуха готовит еду. Входит он. Снимает пиджак. В комнате сильный запах жареной курятины.

ОН. Что такое?

СТАРУХА. Ничего.

ОН. Что ты делаешь?

СТАРУХА. Ничего, ничего.

ОН. Зачем ты это затеяла?

СТАРУХА. Тебе было очень легко со мной – вот и затеяла. Ты будешь есть.

ОН. У нас есть чай, сигареты. Если хочешь – я схожу за хлебом.

СТАРУХА. Я купила курицу.

ОН. Ты что-то не то делаешь.

СТАРУХА. Ты очень давно не ел мяса. Мне захотелось устроить тебе праздник.

ОН. Я не хочу курятины.

СТАРУХА. Знаю.

ОН. Мне не нужна курятина.

СТАРУХА. Знаю, знаю.

ОН. Теперь здесь от запахов нельзя жить.

СТАРУХА. Тебе легко со мной жилось. Я никогда не готовила тебе курятины. Но вот я сготовила. Я запеку ее <с> яблоками. Ты не сможешь сдержаться. Бояться ведь не в твоих правилах. Я устрою тебе праздник.

ОН. Ты меня пугаешь.

Надевает пиджак.

СТАРУХА. Ты глуп. Меня бояться не надо. Бойся тигров. Ты же хотел что-нибудь новенькое. Вот я и сходила на базар. Я наготовила тебе на три дня. Это мясо долго не испортится. Кроме того, получишь очень хороший бульон. Жирный и вкусный. Ты не будешь голодный.

Он идет к двери.

ОН. Меня здесь не будет.

СТАРУХА. Не надо. Ведь ты домосед. Без дома ты не выдержишь. Ты сильно любишь себя. Тебе нужен угол. Хоть пещера в пустыне, но угол.

ОН. Что же ты хочешь?

СТАРУХА. Чтобы ты был умнее.

ОН. Это мое дело.

СТАРУХА. Хоть немножечко умнее.

ОН. Это мое дело.

СТАРУХА. Ну хорошо. Но запомни этот запах. Этот запах я могу тебе устраивать каждый день. Жарить тебе курятину – мое право.

Он уходит.

Старуха остается одна.

Сцена шестая

Вечером в комнате. И он, и Старуха дома. Старуха вышивает по полотну. Он рассматривает свой натюрморт. Улыбается. Дает щелчка нарисованной миске. Встает. Подходит к стене и пристраивает там натюрморт. Пристроив, отходит. Смотрит на свою работу. Стук в дверь. Он идет открывать.

ОН. Ты. Проходи. Ставь сюда.

ОНА. У тебя есть что курить?

ОН. Есть. Садись. Будешь чай?

ОНА. Ты далеко живешь. Я шла пешком. Устала.

ОН. Будешь читать.

ОНА. Я хочу чаю. Я тебе не помешала?

Он берет поднос со стаканами и идет к стене. Там он включает электроплитку и ставит чай разогревать. Потом моет чашки.

ОН. Как подруга?

ОНА. Спасает кого-то.

ОН. От чего?

ОНА. От мертвечины. От чего же еще? По ее словам, он – духовный вампир. Вамп духа. Сам он ничего не может дать. Потому что мертвый. Поэтому пьет чужое. А она его спасает. Возвращает к естеству.

ОН. Как красиво она это называет.

ОНА. Да. Она знает, что быть теплым и живым лучше. Что он просто слеп перед преимуществами быть живым. Ну и... Толкает его, дуэт <в> щеки и все такое. Бойтся, что он вообще в холодную яму упадет. Ты рисовал сегодня?

Он закрывает кран и ставит стаканы на поднос.

ОН. Ты хотела читать? Книжка там. Мне надо поработать.

Он идет к стене, снимает натюрморт и закрепляет его на мольберте.

ОНА. Не хочу. Я устала. Буду пить чай.

Она идет к стене. Наливает чай. Берет стакан и идет к мольберту. Пьет чай. Смотрит на картину.

ОНА. Сколько тебе лет?

ОН. Ты о чем?

ОНА. Нет. Сколько тебе лет?

ОН. Это хорошо.

ОНА. Сколько тебе лет?

ОН. Сколько нужно сказать?

ОНА. Нет. Сколько тебе лет?

ОН. Ты знаешь, а ведь был случай. Я отдыхал у друзей, и там была девочка. Она еще измазала мне полотенце зубной пастой, когда я забыл его у колодца. И как-то вечером, перед тем как уложить ее спать, мои друзья сыграли в эту игру. «Сколько мне лет?» – спросил мой приятель. «Вам двадцать пять лет» – сказала она. «А сколько лет мне?» – спросила его жена. «Вам – двадцать». «А сколько лет нашему знакомому?» – спросили они про меня. «Ему – сорок». Друзья удивились. «Нет, мы серьезно спрашиваем». А девочка им: «Я и говорю серьезно. Ну, тридцать восемь». И добавила: «Он такой странный, такой странный... Вот если его вечером увидишь, всю ночь спать не будешь. Такой странный...»

ОНА. Да, такой странный...

ОН. Станный, странный.

ОНА. Это хорошо.

ОН. Не знаю.

ОНА. Я тебя напрягаю?

ОН. Ты меня хорошо напрягаешь.

Она отошла от мольберта. Осматривает комнату.

ОНА. А где ты взял это зеркало?

ОН. В подвале.

ОНА. Прекрасное зеркало.

ОН. Да, это старое зеркало. Оно отражает душу. Обычно зеркала отражают только то, что отражается.

Она повернулась и осмотрела всю комнату.

ОНА. Слушай. Мне сегодня здесь нравится. У тебя много сигарет?

ОН. Много.

ОНА. Тогда я останусь ночевать.

ОН. Это логично.

ОНА. Я лягу почитаю.

ОН. Ложись, ложись.

Он вытаскивает из чемодана тельняшку и кидает ей.

ОН. Будешь тигром?

ОНА. Буду тигром.

Она переодевается.

ОН. Я работаю и не отвлекаюсь.

ОНА. Я становлюсь тигром.

ОН. Я тебя не вижу.

ОНА. Ты очень целомудрен.

ОН. У меня нет чувства юмора.

ОНА. Без чувства юмора ничего не остается как быть целомудренным. И тем не менее – королю джунглей не подобает бояться мужчин без чувства юмора.

ОН. Короли джунглей должны быть уверены, что с ними не случится того, чего они не захотят.

ОНА. Короли джунглей и не думают об этом. Такая неуверенная логика может прийти в голову только самоубийце.

ОН. Это потому, что король джунглей не знает поражений. Надо его разок потрепать.

ОНА. Короля джунглей потрепать нельзя. Он не цепляется за жизнь и борется до конца.

ОН. Чем же тогда король джунглей отличается от самоубийцы.

ОНА. Король джунглей не торгует своей смертью.

ОН. А как же наследство? Ведь королевский титул и там что-то значит.

ОНА. Никто не может дать в наследство хорошее настроение. Там это лучше понимают.

ОН. Тигр-самоубийца, оказывается, силен в споре.

ОНА. Тигр не спекулирует. Но вообще-то тигр любит молчать и читать книжки.

ОН. Самоубийца не может помешать королю джунглей. Тем более, что у него есть свои заботы.

ОНА. Я тебя напрягаю.

ОН. Ты меня прекрасно напрягаешь.

Сцена седьмая

Комната. Он один. Входит Старуха с большим чемоданом.

ОН. Это кто тебя надоумил отсюда выбраться?

СТАРУХА. Да ты и надоумил.

ОН. Какова же была цель?

СТАРУХА. Не твоя забота.

ОН. Ну а где же твоя забота шляется?

СТАРУХА. Я была в магазине.

ОН. У-уу. А нам разве чего-нибудь не хватает?

СТАРУХА. К сожалению, там нельзя купить ума для твоей головы.

ОН. Ты странно шутишь. Что с тобой?

СТАРУХА. Ничего.

ОН. Впрочем, действительно жалко, что там нельзя купить для моей головы ума. А для своей ты что-нибудь купила?

СТАРУХА. Ты глуп.

ОН. Шесть тысяч лет. Откуда такая определенность? Ты не больна?

СТАРУХА. Подумай лучше о себе.

ОН. Это твоя забота.

СТАРУХА. Ну вот поэтому я и сходила в магазин.

ОН. Что в чемодане?
СТАРУХА. Узнаешь.
ОН. Что ты задумала?
СТАРУХА. Подумай о себе.
ОН. Обойдусь.
СТАРУХА. Ничего. Я тебе устрою.
ОН. Устрой.
СТАРУХА. Ладно, устрою.

Сцена восьмая

*Вечером в той же комнате.
Он, по своему обыкновению, у мольберта.
Старуха вышивает.
Стук в дверь.
Он открывает. Входит она.*

ОНА. Здравствуй. Я тебе не помешала? Ты же знаешь, с моей мамой что-то случилось. Она сегодня ведет меня в магазин и покупает мне платье. И туфли. Такого с ней тысячу лет не было. Я ей говорю, что не надо, а она купила. Ты представляешь?

ОН. Очень красиво. По-моему, вы с мамой вступили в сговор против меня.

ОНА. Ты сам виноват. Зачем ты меня задерживал так долго у себя? Сначала мама ругалась, а теперь... Это странный для нее поворот.

ОН. Нет, виновата ты. Ты плохо умеешь скрывать свое состояние. Мама наверняка почувствовала и сделала правильный вывод. У тебя очень умная мама.

ОНА. Тем не менее – туфли прекрасные. Ты не представляешь, какая это радость – надеть новые туфли. Это ни с чем не сравнимая роскошь. Легкость необыкновенная. Я не чувствую ног. Я прошла от своего дома пешком и не заметила дороги. Ты знаешь, все в мире изменилось, стоило мне только надеть туфли.

ОН. Все это очень опасно. Может быть, не надо было этого делать.

ОНА. Все. Все, что нам гибелью грозит, для сердца нашего таит неизъяснимы наслажденья. Не так ли? И назад отступать нельзя. Туфли всё переменили.

ОН. Ты меня смущаешь. Я миллион лет не вылезал из этого свитера. Из-за этого я уже чуть не потерял одного товарища. Он мне рассказывал: «Иду к тебе и абсолютно точно знаю, что ты в том же свитере и брюках, что и в прошлый раз».

ОНА. Разве это плохо?

ОН. Не знаю. Но тем не менее это его раздражало.

ОНА. Может быть, свитер был грязный?

ОН. Нет. Точно нет. Я тогда много читал. Ты знаешь, оказывается, я очень точно могу сказать, когда и сколько раз я стирал свой свитер. Это очень просто. Я очень медленно читаю. Когда я принимаюсь за толстые книги, то закупаю сахар, сигареты, творог, хлеб и не выхожу на улицу, пока не прочту. Вот в это время я и стираю свой свитер. Можно посчитать: «Новая жизнь» – раз, «Гамлет» – два, «Евгений Онегин» – три, «Чайка» – четыре и так далее.

ОНА. Судя по свитеру, ты много читаешь.

ОН. К чистоте родители с детства приучили, а вот читать они меня не научили. В нашем доме не было книг. Вот мне и приходится делить свою привычку. На чтение и свитер.

ОНА. Привычки хватило на два занятия. Слава родителям. Я преклоняюсь перед ними.

ОН. Слава родителям. Но что я буду с тобой делать?

ОНА. Как что? Ты поведешь меня гулять. Туфли этого требуют.

ОН. Нет-нет. Мои туфли спокойны и не требуют, чтобы их прогуливали.

Он идет к мольберту, чтобы начать работать.

ОНА. Тогда мне придется снять свои нетерпеливые туфли.

ОН. Ничего не остается.

ОНА. Тогда мне придется забраться на кровать.

ОН. Ничего другого нельзя придумать.

ОНА. Тогда придется избавиться от этого платья.

ОН. Ничего не поделаешь.

ОНА. Ну что ж, придется забраться джунгли и стать тигром.

ОН. Да. Тигром – это как-то привычнее. Возьми тельняшку. Кстати, я приготовил для тебя прекрасные джунгли. Быстренько ложись. Будешь выбирать, что тебе нравится.

Она переодевается и ложится. Он вставляет пленку в фотоувеличитель, гасит свет и проецирует на потолок джунгли.

ОН. Ну как?

ОНА. Мне это не нравится.

ОН. Не страшно?

ОНА. Это же моя стихия.

ОН. А это?

ОНА. Вот это оставь. Здесь мне хочется заночевать.

*Они лежат на кровати и смотрят в потолок.
На потолке – джунгли.*

ОНА. Ты знаешь, у нас скоро будет дом. Ты распишешь потолки в моей комнате. Не выношу беленых потолков.

Старуха начинает кружить по комнате.

ОНА. Почему этого никто не понимает? Потолок – это так же важно, как вид из окна. Потолок должен быть высоким. Он может быть лепной, деревянный. Но по высшему классу, потолок должен быть расписан. Почему никто этого не понимает. Это ведь хорошо. Ты распишешь у меня потолок.

ОН. Распишу. Обязательно распишу.

Старуха выключает джунгли.

ОНА. Зачем?

ОН. Пусть. Фотоувеличитель очень нагревается.

*Старуха раздевается и ложится на кровать...
Темнота.*

Сцена девятая

Утро, рассвет, птицы поют. Музыка самая свежая. На кровати он, она и Старуха. Всем удобно. Все в утреннем блаженстве.

*Он просыпается, бережно берет Старуху на руки, поднимает, уносит и кладет на пол у стены. Там Старуха и просыпается. Он ставит чай разогревать.
Она просыпается.*

ОНА. Уже утро?

ОН. Утро, утро. Вставай, я уже сделал зарядку.

ОНА. Можно я чай в постели выпью?

ОН. Можно. Сейчас будет готов.

*Он идет к мольберту, чтобы начать работу.
Старуха гремит стаканами, потом берет поднос, несет чай к кровати, ставит поднос на одеяло.*

Она садится.

Поставив поднос, Старуха приносит плед и укрывает им ее ноги. Все это выглядит красиво, удобно, уютно. Она пьет чай.

Он работает, потом – оторвавшись – оборачивается. Прекращает работу. Подходит к окну.

ОНА. Что?

ОН. Ничего.

ОНА. Что случилось?

ОН. Ничего. Не обращай внимания.

ОНА. Хочешь чаю? Возьми.

Он берет стакан, но не отводит взгляда.

Она пытается делать беззаботный вид, пьет чай.

Он подходит к ней, сдергивает плед и бросает его далеко в угол.

Бросив плед, он отвернулся. Его стошнило.

ОН. Ты уютно устроилась. Для этого нет причин. Я не выношу, когда женщины так уютно устраиваются. Я не давал к этому повода. Откуда здесь взялся плед?

Она молчит. Без пледа она выглядит уже не так уютно. Некрасиво расставлены обнаженные ноги. Она поправила тельняшку. Он идет в угол и аккуратно складывает плед.

ОН. Прости меня.

ОНА. Ничего. Только я пойду. Хорошо?

Она собирается. Подходит к двери.

Она неуверенна. Ей хочется что-то сказать.

ОН. Так нельзя прощаться. Откуда этот мрак? Ну что произошло? Сейчас же выпрямись. Ведь у тебя дела. Ну вспомни. Дела, конечно. Ты засиделась? Да? Ну сделай ручкой. Скажи легко: «Пока». Ты же актриса. Простись легко. Эффектно. Чтобы запомнилось. Вперед, чтобы сделать мир счастливым. Главное – не оборачиваться. Акт должен иметь конец. Точка – равнодушие. Если мы будем мямлить, то оставим связь. А оставлять связи тяжело. Итак, вперед. Ну вот, опять открыто тучами лицо.

ОНА. Ну, хорошо.

ОН. Неправильно. Не в этом тоне. Скажи легко: «Пока». А если сможешь, скажи: «Сволочь». Только легко, равнодушно. Нужна точка. Ну, отмахнись. Скажи определенность.

ОНА. Прощай.
ОН. Вот. Все.

Конец первого действия

Второе действие

Сцена первая

*Он скоблит и этим занят.
Старуха шьет. У нее дела.
Очень тихо входит ОНА.
Дверь была настежь открыта.
Она смотрит на него,
Потом бродит по комнате,
Потом смотрит на него,
Потом бродит по комнате,
Потом смотрит на него,
Потом уходит.*

Сцена вторая

Комната. Он работает и очень увлечен. Подходит Старуха. Смотрит на его работу и на него.

СТАРУХА. Где ты теперь?

ОН. Я работаю.

СТАРУХА. Нет. Где ты теперь?

ОН. Что с тобой?

СТАРУХА. Где ты теперь?

ОН. Я не понимаю.

СТАРУХА. Ты не хочешь понимать. Хорошо. Я смотрю, как ты работаешь. Но тебя здесь нет.

Где ты теперь?

ОН. Хорошо.

СТАРУХА. Нет. Где ты теперь?

ОН. Что с тобой? Случилось? Зачем тебе это надо?

СТАРУХА. Это тебе надо. Тебя это прекрасно напрягает. Я делаю как она. Разве тебе это не нравится?

ОН. Успокойся.

СТАРУХА. Значит, не нравится. Я это делаю не хуже, чем она. Почему тебе не нравится?

ОН. Успокойся.

СТАРУХА. Почему тебе не нравится? Ну-ка, ответь. Ты же не глуп. Ну-ка, сообрази. Может быть, это имеет значение. А? Я это делаю или она? Имеет? Ну что ты молчишь? Где ты теперь? Почему тебе это не нравится? Почему это тебя не так напрягает? Ну, ответь! Чего ты молчишь? Обидно, что ты не врешь себе. Это трудно, но научиться можно. Соври. Я тебя спрашиваю: почему тебе не нравится. Ври. Главное начать. Человек должен научиться врать себе. Иначе ведь нельзя жить. Врать себе можно. Ври. Будет легче. Ври. А? Где ты теперь?.. Прости, я виновата... Но я хотела узнать. Почему тебе не нравится? Я же тебя красиво спросила. Где ты теперь? Ведь это было мило. Почему тебе не понравилось? Может быть, я тебя напрягаю?

ОН. Ты меня хорошо напрягаешь. Закончим этот разговор.

СТАРУХА. Закончим, закончим. Мне не понравился у тебя один цвет. Я хотела спросить.

ОН. Мы закончили разговор.

СТАРУХА. Закончили, закончили.

Сцена третья

Очень тихо входит ОНА. Он идет ей навстречу.

ОН. Пришла.

ОНА. Пришла. Да, пришла. Это ты правильно сказал. Я, действительно, пришла... Я хочу вымыть руки.

ОН. Полотенце там.

ОНА. Когда долго идешь пешком, то очень пачкаешься. Все время останавливаешься. Или на мосту, или у ограды. Или на скамейке посидишь. Невозможно, чтобы не остановиться. И обязательно испачкаешься. А если не испачкаешься, то ничего не увидишь. Надо же постоять. Что-нибудь потрогать. Или поднять что-нибудь. Если этого не делать, то никогда не дойдешь. Или разучишься ходить пешком. И будешь все время ездить на такси. А я не люблю такси. Когда я еду на такси, мне кажется, что я не туда попала. Что я не на своем месте.

ОН. Ты опять шла пешком.

ОНА. Да, да... Но ты знаешь, это не помогает. Я все равно прихожу сюда. Я долго пью кофе. Смотрю, как девочки играют в классы. Захожу во все магазины. Я все равно прихожу сюда. Мне до чертиков надоела эта жизнь. Я не хочу к тебе больше ходить. Это трудная работа. Но самое противное, что я знаю, я уверена, что в то время, когда я иду к тебе, ты преспокойно себя чувствуешь. И тебе все равно: приду я сегодня или нет.

ОН. Сигареты на столе.

ОНА. Спасибо.

Она осматривает комнату, ищет, где сесть.

ОНА. Как ты можешь здесь жить? Я ненавижу эту кровать. Сидеть на ней? Спать на ней. Чай пить тоже на ней. Можно я сяду на пол?

ОН. Испачкаешься.

ОНА. Конечно, испачкаюсь. Как же не испачкаться? Я люблю тебя.

ОН. Не спеши.

ОНА. Куда мне спешить? Действительно. В пять я выхожу из дома и прихожу сюда в одиннадцать. Прихожу, чтобы сказать: «Здравствуй, я только на минуточку». Шесть часов волочусь сюда, И все это время я не знаю, захочешь ты меня видеть больше минуты или нет.

ОН. Нужно ездить на трамвае.

ОНА. Нет. Трамвай мне не поможет. Я не люблю тебя.

ОН. Ну и хорошо.

ОНА. Прости меня. Позволь мне лечь. Не то чтобы я хотела спать, но я устала. Не знаю, до чего я сейчас могу договориться, если не лягу. Дай мне ту книгу. Пожалуйста.

Она легла, читает.

Он принялся за работу.

Проходит время.

ОНА. Слушай. Я не могу понять. Почему? «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное». Почему нищие духом блаженны? Откуда он это ваял? Там дальше про алчущих и про плачущих все понятно. Но ведь это его первое слово?

ОН. Не знаю.

ОНА. Я серьезно. Скажи.

ОН. А ты не думай про духовное богатство.

ОНА. Почему?

ОН. Там неточный перевод.

ОНА. Обожди. Как?

ОН. Что ты? Чего ты заволновалась? Перевод хороший. Но у нас очень много говорят про духовное богатство. И почти всегда забывают про дух. Нужно было написать «пустые». Или слабые духом. Или нерешительные. Как тебе объяснить? Понимаешь, – сильные духом – это деятели. Они очень хорошо знают, где добро, а где зло. Поэтому и могут действовать. Больше всего мерзостей на земле как раз они сделали. Те, кто непоколебимо уверены, что знают лик добра. Они нетерпеливо строят новое и считают это добром. Самое неприятное, что они делают это корыстно. Это большая тема. Здесь много подробностей. «Блаженны нищие духом» – это очень верно сказано. Нищие просят. Нищие пусты. Нищие ощущают пустоту. Помнишь, ведь он <подает> дух после воскресения. Здесь, если хочешь, смыкаются темы благой вести. Первые слова смыкаются с последними. Нищие блаженны, потому что пусты. Каждый человек в некотором смысле сосуд. Поэтому когда будет разливаться вино истинное, то в пустые меха вино зальется и не станет разбавленным. Значит, только нищие узнают аромат истинного вина. Без добавок.

ОНА. А откуда ты знаешь, что там неточный перевод.

ОН. Знаю.

ОНА. Нет, откуда ты знаешь?

ОН. Это хорошо.

ОНА. Откуда ты знаешь?

ОН. Не надо. Я устал.

ОНА. Откуда ты знаешь?

ОН. Если немножко подумать, то можно догадаться. Логично?

ОНА. Логично, но скучно.

ОН. Если скучно, не надо читать книжки.

Сцена четвертая

В комнате утром. Он разогревает чай и моет стаканы.

ОНА. Давай я вымою стаканы.

ОН. Не надо, я сам.

ОНА. Почему ты не хочешь? Я же пришла к тебе в гости. Почему ты не можешь мне позволить вымыть стаканы? Почему ты не хочешь, чтобы в этой квартире я чувствовала себя немножечко лучше? Чего ты боишься? Почему ты не даешь мне ничего сделать? Для чего ты меня бережешь? Я не хочу быть должна тебе так много. Дай мне вымыть. Или давай я здесь подмету.

ОН. Я не люблю, когда убирают в моей комнате.

ОНА. Я знаю, что ты не любишь, но все равно. Мог бы позволить, чтобы я здесь подмела. Это не так трудно. Что ты задумал? Для чего ты меня бережешь? Какую просьбу ты для меня готовишь? Что я должна буду делать?

ОН. Не напрягайся. Почитай что-нибудь.

ОНА. Нельзя же все время читать.

ОН. Если не хочешь читать, смотри в потолок. Вон там лежат сигареты.

ОНА. Давай я вымою стаканы.

ОН. Можешь ты быть без дела или не хочешь? Можно же ничего не делать и смотреть в потолок. Неужели обязательно нужно что-то делать? Кому нужна эта показуха?

ОНА. Я хотела вымыть стаканы.

ОН. Нельзя быть такой неуверенной. Зачем тебе это? Разве ты сделала что-нибудь плохое? Зачем тебе непременно нужно мыть стаканы? У тебя расшатались нервы. А если кто-нибудь захочет вымыть твои ноги, что с тобой будет?

ОНА. Зачем мне мыть ноги?

ОН. Никто пока не собирался этого делать.

ОНА. Если в этой квартире мне будут мыть ноги, то хорошо от этого мне не будет. Что бы ты ни делал. Здесь ног зря не моют.

ОН. Никто и не думал этого делать. Успокойся. Никто не хочет этого делать.

Сцена пятая

Все та же комната.

Он скоблит.

Старуха шьет.

Очень тихо входит она.

Она смотрит на него.

Потом бредет по комнате,

Потом смотрит на него,

Потом садится у стены.

Долго сидит.

Старуха смотрит на нее.

Потом Старуха встает.

Наливает чай в стаканы.

Ставит всё на поднос.

И идет к ней.

Он скоблит.

Она и Старуха пьют чай.

Пьют долго,

Не говоря ни слова.

Допив чай, она встает.

Потом смотрит на него.

Потом уходит.

Он скоблит.

Сцена шестая

Комната. Старуха строчит на швейной машинке.

ОН. Что с тобой, старая?

ОНА. Рисуй.

ОН. Давай поговорим?

СТАРУХА. Рисуй, рисуй.

ОН. Зачем ты все это делаешь?

СТАРУХА. Ты никогда меня не слушал.

ОН. Неужели ты на это обижалась?

СТАРУХА. Рисуй.

ОН. Да брось ты эти тряпки.

СТАРУХА. Она придет.

ОН. Зачем ты? Мы неплохо с тобой жили.

СТАРУХА. Ты не знаешь женщин.

ОН. Мне не нужна женщина.

СТАРУХА. Я хотела, чтобы сюда кто-нибудь приходил.

ОН. Кто-нибудь нас никогда не устраивало.

СТАРУХА. Она приходила.

ОН. Ты ошибаешься.

СТАРУХА. Я не ошибаюсь. Она приходила.

ОН. Ты ошибаешься.

СТАРУХА. Я не ошибаюсь. Я шью простыни.

ОН. Зря ты. Ты плохо выглядишь.

Сцена седьмая и последняя

Все та же комната с огромной кроватью. Но теперь комната убрана. Убрана не назойливо, не мелко. Почти ничего не изменилось, но в комнате появилось много домотканых вышитых полотенец. Широкие и узкие, длинные и короткие, вышитые щедро и скупо – повсюду они оказались к месту.

Малиновые и красные краски.

Убранной оказалась и кровать. Кровать покрыта широченными домоткаными выбеленными простынями. Щедро вышитые по краю малиновым и синим – они красивы.

Старуха сидит у стены. Сидит спокойно. Как будто никого не ждет.

Он сидит впереди. Бездумно смотрит в зал.

Проходит время.

ОНА входит и останавливается.

Вроде бы ей и хочется к нему подойти, но она не делает этого, а отходит назад и оттуда, прислонившись к стене, смотрит на него.

Старуха смотрит на них.

Проходит время.

Для них – очень трудно.

Старуха поднимается. Подходит к ней, берет ее за руку и ведет к стене.

Там все уже приготовлено.

Старуха раздевает ее. И там – долго, из воды в воду, из таза – в таз, от полотенца к полотенцу – Старуха совершает омовение.

Он сидит, его поза остается прежней. Но проходит время, и он встает, опускается в зрительный зал, и оттуда, бродя по проходам между креслами, он видит, как Старуха совершает эту работу.

Омовение закончилось. Женщину одели в рубаху и привели в кровать. Кровать большая, неудобная, лежать одному в ней не хочется. И забравшись на нее, женщина не легла. Присев на колени и прислонившись к спинке, она смотрит в зал, где по проходам бродит он. Он дошел до двери, остановился. Поднял голову. Последний раз взглянул на сцену, опустил голову и вышел из зала.

Без стука закрылась дверь.

Конец